

83
Д38

ISSN 0130—3104

Детская литература

8

Август 1981

Е. Плахова

Пути и дороги Мавриной

О Татьяне Алексеевне Мавриной написана не одна статья. Самобытный талант, изумительные краски, манера письма — ничто не ушло от внимания специалистов. Но если не художницей — кем бы стала Маврина? Писателем? Может быть, путешественником, землепроходцем? Во всяком случае, делo ее жизни может быть связано только с открытием, с творчеством. Вернее, она и есть писатель, путешественник, землепроходец, благодаря ей многие открывают для себя новые земли, новых людей, новые краски жизни. Неутомимые странствия художницы по старорусским городам и городкам как бы расширили знаменитое «Золотое кольцо», утверждая, что везде, и в подмосковных Вяземах, и в московском Черкизове, или совсем неподалеку от дома, на московской улице Солянке, нас ждет поистине «чаша неотпитая» — прекрасное и удивительное прошлое русской земли.

В альбомах художницы множество великолепных рисунков, набросков, сопровождаемых ее оригинальным текстом. Некоторые рисунки, до сих пор известные лишь по персональным выставкам или не известные широкому кругу зрителей, стали содержанием детских книг «Стеклянный пруд» и «Заячьи тропы», созданных художницей в содружестве с писателем Юрием Ковалем и изданных «Детской литературой».

Рисунки эти Татьяна Алексеевна делала в разное время в Подмосковье — неподалеку, «на одну коломенскую версту» от Москвы. Все они послужили для писателя отправной точкой его точных импровизаций, основанных на собственных жизненных наблюдениях.

Впрочем, авторы сами рассказывают маленьким читателям о процессе работы над книгами в рассказе «Лесная речка» («Заячьи тропы»), размышляя вслух над рисунком: «Стали думать, куда течет наша лесная речка. Не в Сходню ли? — сказала Татьяна Алексеевна... А Сходня куда впадает?... В Москву-реку... Может, сделаем кораблик из бумаги? — спросил я».

Этот отрывок как нельзя лучше сочетается с «обнаженным приемом» художественной манеры Мавриной, когда все ясно видно, как написано, но за этим «ясно» стоит виртуозная техника и огромный опыт.

Да, у Мавриной большая жизнь в искус-

стве, множество путей-дорог. «А где нет пути-дороги, тут проториваем»... Кажется, ветер странствий обвеивает со всех сторон ее мастерскую: «За последние годы, — пишет Татьяна Алексеевна в предисловии к недавно вышедшему альбому «Пути-дороги», — «проторилось» много новых дорог, и всегда можно найти неведомые, потому что «ехать в незнакомое и быть как бы первооткрывателем» — духовная потребность художницы. И очень хорошо, что для детей путь в незнаемый еще мир взрослых — нашу жизнь — начинается вместе с замечательным творчеством Мавриной.

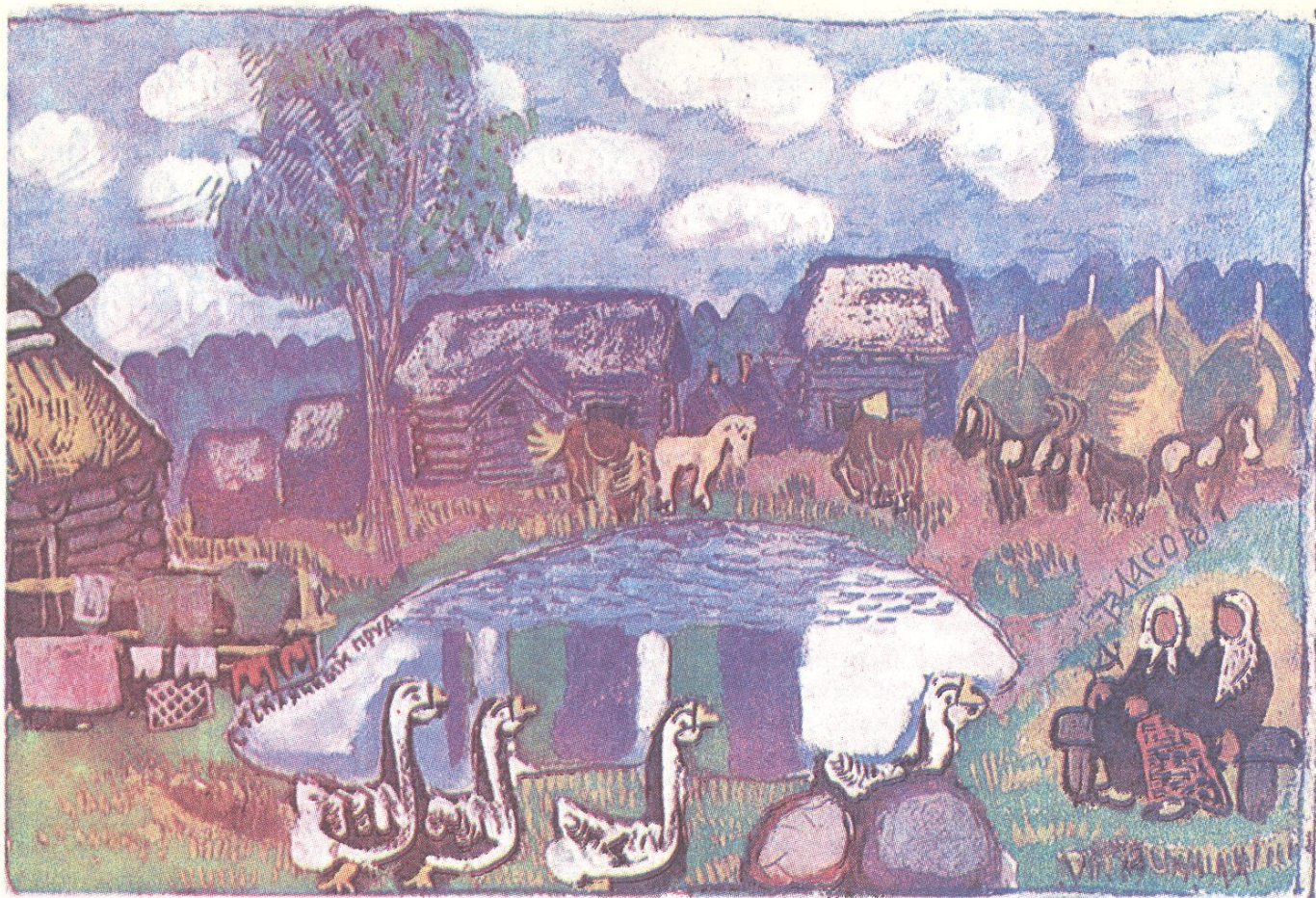
Пути-дороги Т. Мавриной проходят по всей русской стороне, русской старине и действительности, и можно согласиться с художницей, взявшей эпиграфом к своему творчеству цитату из народного «Плача на гибель Москвы» XIII века: «Солнце мое дорогое, месяц прекрасный, о, земля, земля! О, дубравы, дубравы...»

Это чувство восхищения, искренней любви «ко всему нашему» передается читателям «Стеклянного пруда» и «Заячьи тропы». В рисунках Т. Мавриной нет обыденности — есть живая, всепобеждающая природа и создания человеческих рук, воплощенные ею в радостных буйных тонах. «Наше Подмосковье с малыми речками, неглубокими оврагами, невысокими увалами — так красиво!»

Кто-то верно сказал, что корни наши там, — в деревне, или, как теперь мы говорим, «на селе», «за городом». Но чаще всего, бывая там, мы подходим к природе весьма утилитарно: наполняем легкие озон, поправляем здоровье, расслабляем

Художник Т. Маврина
Ю. Коваль. «Заячьи тропы»

Художник Т. Маврина
Ю. Коваль. «Стеклянный пруд»

нервную систему. Не всегда удастся «остановиться-оглянуться». И поэтому велика наша благодарность тем, у кого зоркий глаз и щедрое сердце, кто заметит, осмыслит, расскажет об увиденном — в строчках, в красках — в книгах, особенно в таких замечательно интересных, как «Стеклянный пруд» и «Заячьи тропы».

«Обычно бывает так: писатель написал рассказ — художник делает к нему рисунок. Иногда получается наоборот: художник сделал рисунок — писатель сочиняет к нему рассказ. С этой книжкой вышло все неожиданно. Татьяна Алексеевна Маврина рисовала, не думая о рассказах... Юрий Коваль ходил по лесным дорогам, ночевал у костра и, вернувшись домой, записывал, что видел... Эти рисунки и рассказы могут жить отдельно, сами по себе. Но вместе им веселей» — сообщает нам предисловие к «Стеклянному пруду». Продолжим — вместе они создали тот удивительный мир, в котором легко уживаются сказки и действительность, вымысел и правда, поэтичность и лукавый народный юмор.

В этом мире — в Лукоморье, как и в нашем знакомом Подмосковье, шумит своей листвою лес-дом, лес-лекарь. В него войдешь хворым, а выйдешь — полным сил, здоровья, стоит только крикнуть что есть мочи в морозной чаще: «Лес, лес, возьми мою глоть!» («Заячьи тропы»).

Там, в лесу, «с голых веток берез стекают капли тумана, падают глухо на землю». Оранжевая лошадь, под шагами которой вздыхают опавшие листья, уносит в глубину леса остатки осени. Может, это сама

осень — «рыжая кобыла» уходит?

Пожалуй, это одна из самых поэтичных миниатюр Ю. Ковалья — «В берегах» («Стеклянный пруд»). Здесь писатель поднимается до поэтического обобщения. Создавая образ уходящей осени, он находится под непосредственным впечатлением от рисунка Мавриной. Художница рисует открыто, ей чужда штриховка и тщательная детализация. Детализация, но не изображение какой-либо детали, которая создает определенный ритм, внутреннюю жизнь рисунка, как, например, капли тумана, весомо и легко стекающие с голых веток берез на голубовато-сиреновом рисунке, который так виртуозно описал Ю. Коваль в рассказе.

По дороге в Углич Татьяна Алексеевна встретила смирную желтенькую деревенскую лошадку и нарисовала ее. Уютно уселись на спине у лошади птицы — щиплют для гнезда мягкую теплую шерсть. Ю. Коваль по мотивам этого рисунка создал свой рассказ «Тучка и галки», населил его новыми персонажами: доброй мавринской Тучкой и своим, добрым возчиком Агафоном.

Обыденное содержание рассказов, конечно, несколько «приземляет» рисунки Мавриной и лишает их зрителей фантастического полета. Но и самой художнице не чужды легкая ирония, внимание к забавным деталям быта: не статные «селянки» разгуливают по ее пейзажам, а деревенские бабы в платках и ватниках торопятся по делу (рисунки «Рогачевское шоссе», «По дороге на Углич» и др.), и пушистые коты — черный и красно-рыжий — вовсе неспроста забра-

лись средь бела дня на дерево (рисунок «Дорога на Истру»).

Да, Лукоморье Мавриной и Коваля населено обычными людьми, и пристальный взгляд художницы и писателя высвечивает их доброту и человечность. Вот бабки из деревни Власово — патриотки местного чуда — деревенского ставка, в котором они признают стеклянный пруд, — не в нем ли затонул невидимый град Китеж? А вот и полуреальный-полусказочный персонаж Николай Васильевич, которого несколько не боятся мавринские зайцы-русачки — пешком по нему ходят!

Книги эти — осмысление большого периода жизненных наблюдений, раздумий авторов о судьбах родной природы, людей, русского леса.

Рогачевское шоссе, Абрамцево, Воздвиженское, Москва-река. Знакомые нам места, любимые художницей и писателем. Городки и городишки, неширокие речки, прозрачные пруды, маленькие живописные села и деревеньки — Родина.

Одними и теми же дорогами исходили писатель и художница родную сторону, пробирались проселками, охотничьими тропами, — ведь «прямоезжая дорога не всегда лучшая». И везде они увидели свое, особенное, передали нам это самобытно, задушевно и искренне.

Сколько добрых слов находится у писателя для того, чтобы помочь маленькому читателю раздвинуть границы рисунка, рассказать ему, куда, например, таинственно и лениво течет черная лесная речка, как заснет она скоро подо льдом. Почему так трогательно-беззащитен заяц-русачок, спрятавшийся в роскошном мавринском разнотравье; зачем это деревенские коты — черный и красно-рыжий — забрались средь бела дня на дерево, уж не охотятся ли на снегирей, летящих торопливой испуганной стайкой — рисунок «Дорога на Истру», из книги «Заячьи тропы».

Книга «Стеклянный пруд», оформленная в виде большого календаря, — скорее альбом «озвученных» рисунков художницы, созданных ею в разное время; «Заячьи тропы» композиционно стройнее, многие рисунки специально сделаны Т. Мавриной для этой книги. «Не одно любопытство и любоование тянет глаз к историческим памятникам. Проверяешь свой вкус, увеличиваешь количество лет, прожитых на земле за счет бывшего когда-то». Так пишет Татьяна Алексеевна Маврина.
